

так как «церковнославянская письменность в Сербо-Хорватии возникла значительно позднее, чем в Болгарии (притом под ее влиянием), и позднее чем на Руси».¹²⁵

Мне кажется, что оба приведенных довода заслуживают серьезных возражений. Во всяком случае не может быть принято утверждение о позднем появлении литературы у хорватов, которые получили свою письменность не из Болгарии, а непосредственно с Запада, от моравско-паннонской славянской церкви. Из Хорватии же церковная литература уже в самую древнюю эпоху могла проникать и в северные пределы сербской территории, на что указывал в свое время Стоян Новакович.¹²⁶ Затем, нет никаких доводов в пользу предположения, что в Сербии славянская письменность возникла позднее, нежели на Руси. Константин Порфирогенит говорит об окончательном крещении сербов во второй половине IX в., а непосредственные связи сербских князей с болгарами, как политические, так и династические (браки), заставляют предположить живые культурные болгаро-сербские связи в IX и X вв. Маринское глаголическое евангелие XI в., по мнению Ягича, возникло на сербской почве (путаница в написании большого юса и у, ѳ и и); Михановичев и Гршковичев отрывки Апостола также являются сербскими памятниками, которые свидетельствуют о древней славянской литургической традиции среди сербов.

Между тем, как давно показал Ст. Станоевич в рецензии на первое издание книги Павла Поповича «Преглед Српске књижевности» (1909 г.), не только литургическая письменность, но и сербская литература неизмеримо древнее конца XII в.¹²⁷ Оригинал Летописи попа Дуклянина, которую автор должен был по желанию своих сограждан «ex slavonica lettere vertere in latinam», возник в середине XII в.¹²⁸ Среди источников, упоминаемых самим автором, имеется житие князя Иоанна Владимира Дуклянского, из которого летописец цитирует длинный отрывок. Не может быть сомнений, что это житие возникло вскоре после смерти князя, в первой половине, а может быть и в первой четверти, XI в. Вторым источником Дуклянин называет юридический сборник «Методиус», под которым с полным основанием предполагают Мефодиев перевод Номоканона 50 титулов. В тексте в нескольких местах упоминаются договоры между князьями разных сербских областей: нужно думать, что речь идет о писанных документах, вроде сохранившихся договоров князей Немани и Мирослава с Дубровником 1186 и 1190 гг. (под первым из них стоят подписи обоих государей, выполненные тогдашним «деловым» письмом, имеющим много аналогий с письмом берестяных русских грамот).

Особый интерес вызывают те части Дукляниновой хроники, в которых приводятся родословцы отдельных династий (в частности, Требинской). Они заставляют предполагать существование местных летописей-родословцев. Не останавливаясь на интересном вопросе о предполагаемом существовании Требинской хроники, которую в составе Дуклянина пытался выделить Медини,¹²⁹ необходимо особо подчеркнуть сам факт существования таких хроник-родословцев, подтверждение которого по отношению к зна-

¹²⁵ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 4.

¹²⁶ Ст. Новаковић. Први основи словенске књижевности међу балканским Словенима. Легенда о Владимиру и Косари. У Београду, 1893, стр. 5—11.

¹²⁷ Летопис Матице Српске, год 86, књ. 268. Нови Сад, 1910, стр. 55—56.

¹²⁸ См.: В. Мошин. Летопис попа Дукљанина. Изд. Матица Хрватска. Загреб, 1950.

¹²⁹ М. Медини. 1) Дубровачке старине. Дубровник, 1933, стр. 29—64; 2) Како је постао летопис попа Дукљанина. — Рад Југославенске Академје, књ. 273, Загреб, 1942, стр. 113—156.